

РОМАН В. КАЧОРОВСКОГО «СЬЁ ВИ ЦАН»: ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО

Статья посвящена соотношению этнографических и художественных элементов в романе «Сьё Ви Цан» В. Качоровского. Данное соотношение рассматривается как специфическая модель восприятия и изучения чужого культурного пространства.

The article is devoted to parity of ethnographic and artistic elements in novel «Se Vi Tsan» by V. Kachorovsky. The given parity is considered as specific model of perception and studying the alien cultural environment.

Интерес к культуре Китая давно уже стал характерной чертой российского общества. Еще в петровскую эпоху, когда впервые установились прямые и постоянные торгово-дипломатические и культурные связи между двумя странами, он диктовался не только геополитическими реалиями, но и реакцией русских на экзотическое своеобразие китайской культуры.

Первые русские путешественники и миссионеры, оказывавшиеся в Китае, сначала брались за описание бытовых реалий азиатов. Так, в сочинениях Н. Спафария, Н. Бичурина (о. Иакинфа) и других бытовая уклад оказался основным объектом наблюдения, причем заметной особенностью явилось сравнение быта русских и китайцев, обнаружение между ними общего.

С XIX в. характерной чертой этнографических очерков о Китае стало указание на засилье европейцев, причем не всегда трактуемое негативно. «Европейский лоск» Шанхая, его сходство с западными мегаполисами освобождали многих русских от знакомства с неведомой цивилизацией и соприкосновения с ее представителями, относительно которых к тому времени уже сформировался ряд этнических стереотипов. Так, к примеру, В. Дедлов (В.Л. Кигн), посетивший Китай в конце XIX столетия, выражал даже некоторое недоумение по поводу того, что в Шанхае «толпа сплошь китайская, и европеец среди нее редкость»ⁱ. Несколькими десятилетиями ранее И. Гончаров в своей книге «Фрегат "Паллада"», напротив, сетовал на первенство в Китае гостей-европейцев и их пренебрежительное отношение к вежливым и терпеливым аборигенам; быт и нравы китайского населения вызывали живейший интерес писателя.

Однако стоит сказать, что до Октябрьской революции знакомство русских с Китаем было в большинстве случаев добровольным и если и продолжительным, то все же временным и избирательным. Русские эмигранты, оказавшиеся в Маньчжурии в 20-е гг. XX в., были лишены возможности выбора и вынуждены так или иначе приспособиваться к новым этнокультурным условиям. Соприкосновение с инокультурной средой по-разному влияло на их жизнь, но в той или иной степени способствовало проникновению в их культуру и быт «восточных» элементовⁱⁱ.

Справедливо отмечено, что в процессе культурного освоения Китая русскими беженцами немаловажное значение играл их предшествующий этнокультурный опытⁱⁱⁱ. Так, наиболее органично в контакт с инокультурным пространством вступали те харбинцы, которые еще до эмиграции занимались исследовательской и писательской деятельностью в этом направлении (Н. Байков, П. Шкуркин), либо те, что были выходцами из районов, географически и исторически близких к Китаю – Сибири, Забайкалья, Приамурья, Приморья (А. Ачаир, В. Март, Б. Юльский).

С этой точки зрения особый интерес представляют писатели-эмигранты, волею судьбы и обстоятельств заброшенные в Китай издалека и не имеющие предшествующего опыта взаимодействия с китайцами. Ярким примером литератора, впервые столкнувшегося с дальневосточным колоритом уже в зрелом возрасте, является В.А. Качоровский (1889-1961).

Владимир Андреевич Качоровский родился и вырос на Кавказе. В 1910 г. он окончил артиллерийское училище, избрав карьеру военного. Участвовал в Гражданской войне, в ходе которой после поражения белых частей оказался в Европе, жил в Италии, Франции, Австралии, на Таити, а затем переехал в США^{iv}. Судя по всему, в Китай В. Качоровского, как и героя его романа, привела работа, по завершении которой он вновь вернулся в США.

Несомненно, на восприятие писателем быта и нравов китайского народа повлиял его статус «стороннего наблюдателя», ведь В. Качоровский не был представителем «восточной ветви» эмиграции, а потому, по всей видимости, испытывал к Китаю своеобразный интерес туриста. Именно поэтому, как нам кажется, весомое значение в романе «Съё Ви Цан» имеют бытовые зарисовки и этнографические факты, приведенные автором в определенную систему, а также его отдельные наблюдения за характером, психологией и поведением китайцев. Сам же сюжет произведения, его темы и мотивы трудно назвать плодом сугубо китайской действительности – такие темы как брак по расчету (героиню романа Съё Ви Цан сватают и выдают замуж за нелюбимого ею соседа Су Куэ Льян), невозможность пойти наперекор родителям и обычаям, соблазнение и лишение девичьей чести (франтоватый китаец мистер Янг, представитель «золотой молодежи», жестоко обманывает влюбившуюся в него Съё Ви Цан), убийство из-за ревности (Су Куэ Льян убивает Съё Ви Цан в финале романа) имеют многовековую историю в мировой литературе – западно-европейской, арабской, русской.

Любопытна композиционная организация произведения: этнографические фрагменты представляют собой не отдельные фразы или абзацы, а целые блоки, последовательно рассказывающие о наблюдениях героя, от лица которого ведется повествование. Сам роман начинается именно с такого довольно объемного блока, и лишь затем следует история героини Съё Ви Цан.

В этом ключе интересна и повествовательная стратегия автора. Так, в рассказе о жизни молодой китайки в шумном Городе Качоровский воспроизводит мировосприятие европейца, которому милее атмосфера дансингов, скачек, теннисных кортов. Герой Славин влюбляется в прекрасную Съё Ви Цан, но другие китайцы (за исключением заранее объявленных друзьями профессора Вонга и молодого Линга, а также тех, с кем дружна Съё Ви Цан) не вызывают у него никакой симпатии. В большинстве своем это непорядочные, хитрые и скупые люди, будь то землячка героини А Фун и ее дочь Уон Це или же управляющий кабаре Зао Ченг. Повествователь, если и останавливается на бытописании этих людей, трактует его в негативном ключе, подчеркивая ту грязь, пошлость и порочность, в которой они живут. Так, например, он описывает типичное жилище китайцев-горожан, в котором оказались героиня и ее мать: «Закоптелые стены и низкие потолки крутой лестницы заставляли пригибаться не отличавшихся высоким ростом женщин. Внизу, недалеко от водопровода, помещалась портняжная мастерская, из которой клубился неприятно щекотавший ноздри пар от разглаживаемых серых костюмов <...> В промежутках между этажами, в стене была проделана ниша в два аршина высотой, в которой ютились тоже люди и откуда, из груды наваленных на железную кровать тряпок, доносился детский крик <...> Груды нагроможденных друг на друга домов с узкими проходами между ними лишали обитателей дневного света и чистого воздуха» (в дальнейшем – ссылки на это же издание, с указанием страниц в круглых скобках)^v.

Описывая жизнь ночного Города, в котором без труда угадывается Шанхай, Качоровский редко обращается к собственно китайским реалиям. Он воспроизводит атмосферу всевозможных баров, синематографов и других увеселительных заведений европейского толка, в которых китайцам не всегда отводится положение хозяев. Писателя интересует психология китайцев, легко сменивших язык и одежду в угоду моде и выгоде и подражающих европейцам, которые «только способствуют их моральному и физическому падению».

Совсем иная картина обнаруживается в «этнографических главах», в которых дается подробное описание быта и нравов Китая. Здесь Славин предстает в роли мыслящего европейца, проявляющего «всемирную отзывчивость», и заявляет: «Я ничего еще не знал и только запутывался, стараясь понять душу народа, мне совершенно чуждого, замкнутого в себя и свои помыслы, таинственно непонятного и подозрительно недоверчивого к пришельцам» (С. 280).

Способами глубокого постижения инокультурной ментальности для героя-повествователя, уже имеющего некоторую теоретическую подготовку, становятся прогулки по Шанхаю, изучение китайского языка и беседы с лучшими представителями китайской нации. В образах китайских интеллигентов профессора Вонга и Роджера Линга реализуется своеобразная повествовательная стратегия автора, о чем мы скажем далее.

Оба китайца имеют опыт соприкосновения с американским общественным и политическим устройством, которое для Качоровского после его жизни в США, по всей видимости, представлялось наиболее прогрессивным и перспективным.

Молодой китаец не случайно носит европейское имя – он китаец нового поколения, получивший образование в Америке и уже наполовину отошедший от традиционной китайской культуры. В образе Роджера Линга Качоровский воспроизвел идеальный тип представителей нового Китая, «уважающих старинный быт своей страны, но в то же время сознававших необходимость неотложных реформ во всех отраслях жизни» (С. 281). Формирование новой китайской молодежи было связано с Синьхайской революцией 1911 г., после которой активнее заявили о себе «патриоты, остро и болезненно переживавшие упадок своей родины, ее бедность и отсталость, разнузданность милитаристских режимов, однако видевшие выход из создавшегося положения не в возвращении к традиционным ценностям, а в смелом движении вперед, в осовременивании своей родины, в модернизации всех сторон жизни Китая»^{vi}.

Более консервативным предстает пожилой китаец Вонг, испытавший влияние Европы и Америки, но имевший прочные духовные связи с китайской культурой. Лозунгом в его устах звучит фраза: «Меняйте халат на европейское платье, но неуклонно следуйте по стопам предков» (С. 283).

Следует отметить, что Качоровский, создавая свои этнографические зарисовки, прибегает к приему «рассказывающего персонажа» (Б.О. Корман). Так, значительную часть высказываний по поводу китайской ментальности и быта автор вкладывает в уста профессора Вонга, уточняя, что пожилой китаец «был искренен в своих суждениях и критически относился к соотечественникам как нового, так и своего поколения, вне зависимости от занимаемых ими постов и материального положения» (С. 302). Таким образом, повествование от лица китайца отражает установку на достоверность излагаемой им информации и в полной мере воспроизводит сознание и мировосприятие не стороннего наблюдателя, а полноправного представителя китайской культуры. Наделение Вонга некоторыми космополитическими взглядами как бы снимает с него потенциальную предвзятость и делает его экспертом в вопросах китайской культуры.

О каких же особенностях быта и психологии китайцев повествуется в этнографических главах? Особое место занимает описание процедуры трапезы и чаепития. Культ еды в Китае, равно как и потребность в изящных эротических ласках, объясняется с гедонистических позиций:

«Жизнь коротка, полна лишений и неприятностей, и желание человека получить удовольствие, путем ли изысканной кухни или утонченной любви, только естественно и не должно осуждаться» (С. 318). Абстрактных рассуждений и философских изысканий китайский обыватель в отличие от представителя западной цивилизации старается избегать, так как он привык «довольствоваться малым и от этого малого быть счастливым». Также терпеливость и скромность китайцев объясняется за счет их веры в судьбу: «Доктрина фатализма является живительным источником духовной силы китайцев, и ей они обязаны спокойствием и мягкостью своего характера» (С. 308).

Времяпрепровождение среднестатистического китайца описывается следующим образом: «Он медленно и с удовольствием попивает желтенький чай в любое время дня и ночи, пускает змея и волчок, ловит цикад и кузнечиков, толпится у стола предсказателя судьбы, играет на деньги, проделывая различные комбинации на пальцах, следит за уличным фокусником, слушает рассказчика сказок, катается на роликах, танцует, грызет арбузные семечки, разводит певчих птиц, получает и принимает подарки ко дню многочисленных дней рождения, занимается каллиграфией, любит китайскими лубочными картинками на улицах, ест обсахаренные фрукты и курит дешевые папиросы» (С. 286).

В рамках следования тезису об искренности и критичности суждений профессора Вонга в романе «Съё Ви Цан» затрагивается и тема этнических и психологических, с точки зрения европейцев, недостатков китайской нации, среди которых называются эгоизм, инертность, недостаточный патриотизм, взяточничество, неопрятность. Однако всем этим порокам находится историческое объяснение: по заверениям Вонга, на формирование китайской ментальности повлияли географическое положение страны (изолированность от соседей), бесконечные неудачные войны, голод, перенаселенность и, конечно, разнообразие религиозных учений.

Так, институт семьи сформировался под влиянием конфуцианства, став также основой китайской государственности. Идея семейственности и землячества ложится в основу азиатской психологии, и именно этой идеей китаец руководствуется в своей духовной и обыденной жизни. «Заплатить за двоюродного племянника его долг ко времени сведения годового отчета, отправить родственника на учение за границу, выручить попавшего в беду другого родственника и для этого, может быть, ехать хлопотать перед властями в провинциальную столицу, и много иных аналогичных случаев каждодневны и столь обычны, что о них не принято говорить. Семья берет на себя заботу о безработных членах этой крупницы государства, освобождая страну от многочисленных голодных ртов, незадачливых и больных ее подданных» (С. 303).

Семья объединяет людей, создает культ старших, но в то же время становится источником китайского эгоизма. Качоровский приводит пример: женатый китаец никогда не бросится в воду спасать утопающего, так как необдуманная гибель лишит его домочадцев источника доходов. Непрестанно чувствуя ответственность за свою семью, китаец не станет зря рисковать благополучием своих жены и детей ради совершенно *чужого* ему человека.

Ссылаясь на писателя Лин Юнтанга, автор также берется за рассмотрение «китайского эгоизма» на примере забавного инцидента с китайцем, занявшим в переполненном автобусе место шофера. «Китаец не хотел уходить; как ни старались его убедить, что без шофера автобус не двинется с места, он все стоял на своем. Только прибывшая полиция убрала упряма, в психологии которого никак не могла уложиться мысль, что его личное удобство шло вразрез с удобством всех остальных его соотечественников» (С. 308).

Повседневное поведение китайцев Качоровский связывает с так называемым понятием «лица», играющим в китайской ментальности огромную роль. «"Лицо" имеет психологический характер, а не физиологический. Его нельзя ни мыть, ни брить, но можно приобрести, потерять; за него можно бороться и получить в дар <...> Оно приближается к "чести", но не аналогично с ним.

Можно нанести ущерб чести и оставить "лицо" незапятнанным» (С. 309). Автор приводит пример того, как легко воплощается на практике кажущаяся парадоксальность этого понятия: «К наступающему новому году все денежные расчеты должны быть закончены, и от должников ожидается уплата долгов. Неуплативший теряет "Лицо" и дальнейший кредит как следствие этой потери. Но если он для спасения "Лица" кого-нибудь обкрадет и рассчитается, благодаря этому, с долгами, то даже знающие о его поступке, и те его не осудят» (С. 309-310).

Именно под страхом потери «лица» китайцы в общественных местах стараются вести себя благочинно, не злословят, не проявляют излишней эмоциональности и т.д.

Что касается описания бытовой и общественной сторон жизни в Шанхае, то главной их чертой Качоровский называет *контрастность*. Описывая эту сторону китайского бытия, автор не ссылается на мудрые наблюдения профессора Вонга, а приводит этнографические описания увиденного им на улицах Города: бедные и богатые погребальные процессии, высокомерные китайские купцы, нищие крестьяне, роскошно одетые китайские проститутки, китайцы-середняки. «Жизнь на меня глядела веселыми и жизнерадостными глазами из окон роскошных отелей; недружелюбно и враждебно оглядывала с ног до головы в узких улочках густо населенных китайских кварталов; игриво, легкомысленно встречала в барах и танцевальных залах и безразличным, ничего не говорящим оком провожала во всех местах народных сборищ, где иностранцы почитались за неизбежное и непоправимое зло» (С. 413). Любопытно, что художественной рефлексии писателя способствует сопоставление увиденного со строками стихотворения С. Надсона, которые и цитируются в романе:

Меня каждый миг свой образ прихотливый,
Капризна, как дитя, и призрачна, как дым,
Кипит повсюду жизнь в тревоге суетливой,
Великое смешав с ничтожным и смешным.

Наконец, особое внимание в этнографических фрагментах уделяется образу современной китайской женщины, что неслучайно, ведь роман повествует о жизни молодой китаянки Сьё Ви Цан. В глазах героя-повествователя китайская женщина являет собой средоточие тех контрастов и противоречий, которыми пронизана культура и повседневность Китая. Кроме того, она, «восприняв внешне европейскую цивилизацию, сохранила многие черты, присущие веками формировавшемуся быту страны» (С. 421).

Сравнивая китайскую и европейскую женщину, Качоровский превозносит достоинства первой, обращаясь к традиционному мифологизированному образу китаянки и используя такие хрестоматийные метафоры как «экзотическое растение», «лилия», «орхидея»: «Атлас позавидовал бы бархатистости ее кожи, и персик – ее природной свежести. <...> Она гибка и тонка в талии и легка на поступь. У большинства прекрасные руки с длинными точеными пальцами, увенчанными розовыми овальными миндалинками-ногтями» (С. 421-422). В то же время автору импонирует эмансипированность дочерей Азии, покинувших свои терема и занявших весомое место в общественной жизни Китая, и неслучайно собирательный образ современной китаянки не обходится без европейских элементов: «волосы подстрижены и подвиты», «духи, помады, ружьи и пудры столиц Европы нашли свободный доступ в будуары этих восточных созданий», «они начинают знакомиться со спортом», «они закурили душистые папиросы и заходили со своими поклонниками по садам и паркам» (С. 422-423).

Судьба китайской женщины и становится в итоге основным объектом художественной рефлексии Качоровского. С одной стороны, налицо победное освобождение женщин от гнета мужчин, семьи и обычаев; с другой, – трагическая гибель Сьё Ви Цан в финале романа. Провозглашаемая эмансипация китайских женщин едва ли делает их свободнее – напротив,

закабалает еще больше, принуждая заниматься сомнительными ремеслами, так как по-настоящему почва для гендерного равноправия в Китае еще не подготовлена.

Писатель не дает собственной оценки культуре и традициям Китая, но композиция романа, выстроенная по принципу чередования «теории» и «практики» (этнографических материалов и собственно художественного повествования), приводит к мысли о несомненном влиянии быта, нравов и истории китайского общества на судьбы тех, кто так или иначе оказался связан с ним. Европеизация Китая, как оказывается, носит лишь внешний характер, на самом же деле «Срединная империя» продолжает жить по своим тысячелетним законам. Соприкосновение двух этносов, двух цивилизаций – Европы и Азии – в конечном итоге оказывается обречено на драматический финал по внешним и внутренним причинам.

Такова модель межкультурных связей, выстроенная писателем В. Качоровским. Разумеется, его восприятие Китая и китайцев несколько отличается от позиций тех русских эмигрантов, чей дореволюционный этнокультурный опыт был гораздо богаче. Но, вероятно, именно эта особенность способствовала формированию у Качоровского потребности не в мифологизации инокультурной действительности, а в ее этнографическом описании и осмыслении.

ⁱ Цит. по: Романенко А.Д. Китай у русских писателей. – М., 2008. – С. 167.

ⁱⁱ Об этом см.: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Звезды Маньчжурии»: инокультурное пространство в восприятии писателей-эмигрантов // А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. – Благовещенск, 2009. – С. 110-143; Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – 2010. – Вып. 9. – С. 119-139.

ⁱⁱⁱ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Звезды Маньчжурии»: инокультурное пространство в восприятии писателей-эмигрантов // А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. Меж двух миров... – Указ. изд. – С. 114.

^{iv} Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. – Ч. 1. Русские в Китае. – Владивосток, 2000. – С. 150.

^v Качоровский В. Съё Ви Цан // Литература русских эмигрантов в Китае. – Т. 5. Волны Хуанпуцзяна Шанхая. – Пекин, 2005. – С. 331-333.

^{vi} История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. – М., 2002. – С. 396.